

Научная статья

УДК: 94(47)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-149-166

Чемакин Антон Александрович

кандидат исторических наук

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

a.chemakin@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6078-4044

**УКРАИНСКАЯ ФЕДЕРАТИВНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
ПАРТИЯ ВО ВРАНГЕЛЕВСКОМ КРЫМУ (1920 г.)**

Аннотация. Статья посвящена Украинской федеративно-демократической партии (УФДП), основанной в Севастополе в 1920 г. и позиционировавшей себя в качестве наследницы одноименной партии, действовавшей в Киеве в 1917–1918 гг. Возникшая на базе инициативной группы уроженцев Украины и тесно сотрудничавшая с властями белого Крыма, УФДП занимала лоялистские позиции и полностью поддерживала политику правителя Юга России и главнокомандующего Русской армией П. Н. Врангеля. Несмотря на название партии, большая часть ее руководителей ранее не имела никакого отношения к украинскому движению, а сама УФДП носила скорее не демократический, а бюрократическо-монархический характер, на что указывает участие в ее деятельности ряда крупных чиновников (Д. П. Перлик, П. П. Чубинский, Т. И. Акоронко) и бывших членов Всероссийского национального союза (А. С. Гижицкий, Г. А. Кочубей). Особое внимание в статье уделяется биографии лидера партии Н. А. Кравченко, который, оказавшись в эмиграции, отказался от федералистских идей и перешел на сепаратистские позиции. Автор приходит к выводу о том, что УФДП вряд ли смогла бы оказать существенные услуги властям Юга России и хоть как-то повлиять на украинцев-сепаратистов.

Ключевые слова: Украинская федеративно-демократическая партия, украинский вопрос, Гражданская война, Юг России, белый Крым, Н. А. Кравченко, П. Н. Врангель.

Для цитирования: Чемакин А. А. Украинская федеративно-демократическая партия во врангелевском Крыму (1920 г) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 2 (58). С. 149–166. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-149-166>

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00046 «Украинский вопрос в политике генерала П. Н. Врангеля (весна – осень 1920 г.)», <https://rscf.ru/project/24-28-00046/>

Original article

UDC: 94(47)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-149-166

Chemakin Anton A.

Candidate of Historical Sciences
Saint-Petersburg State University
St. Petersburg, Russia
a.chemakin@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6078-4044

UKRAINIAN FEDERATIVE DEMOCRATIC PARTY IN WRANGEL'S CRIMEA (1920)

Abstract. The article is dedicated to the Ukrainian Federative Democratic Party (UFDP), founded in Sevastopol in 1920 and positioned itself as the successor to the party of the same name which operated in Kiev in 1917–1918. Having emerged on the basis of the “Initiative Group of Natives of Ukraine” and closely cooperating with the authorities of the white Crimea, the UFDP held loyalist positions and fully supported the policy of the ruler of South Russia and commander-in-chief of the Russian Army P. N. Wrangel. Despite the name of the party, most of its leaders had previously had no connection with the Ukrainian movement, and the UFDP exhibited a more bureaucratic-monarchical character rather than a democratic one, as indicated by the involvement of several prominent officials (D. P. Perluk, P. P. Chubinsky, T. I. Akoronko) and former members of the All-Russian National Union (A. S. Gzhitsky, G. A. Kochubey). The article pays special attention to the biography of the party’s leader N. A. Kravchenko, who, having found himself in exile, abandoned federalist ideas and switched to separatist positions. The author concludes that the UFDP would hardly have been able to provide significant assistance to the authorities of South Russia or influence the Ukrainian separatists in any way.

Keywords: Ukrainian Federative Democratic Party, Ukrainian question, Civil War, South of Russia, White Crimea, N. A. Kravchenko, P. N. Wrangel.

For citation: Chemakin A. A. Ukrainian Federative Democratic Party in Wrangel's Crimea (1920) // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 2 (58). P. 149–166. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-149-166>

Acknowledgments: the reported study was funded by the Russian Science Foundation, project № 21-78-00015 “The Ukrainian question in general P. N. Wrangel’s policy (spring – autumn 1920)”, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00046/>

Введение. В начале октября 1920 г. в газете «Время», издававшейся в Симферополе Б. А. Сувориным, появилось сообщение о том, что в Севастополе недавно образовалась Украинская федеративно-демократическая партия (УФДП). «Как мы слышали от осведомленных лиц, партия ставит своей задачей организацию власти на Украине на федеративных началах в единении с Россией и широкое проведение на Украине народных реформ, связанных с укладом жизни и с бытовыми особенностями Украины», —

отмечалось в статье¹. Краткая заметка аналогичного содержания была напечатана и на страницах севастопольского «Вечернего слова»².

В научных работах, посвященных событиям Гражданской войны на Украине, можно встретить сведения об Украинской федеративно-демократической партии, существовавшей в Киеве 1917–1918 гг.³ Эта партия, созданная в самом конце 1917 г. видным деятелем умеренного крыла украинского движения Владимиром Павловичем Науменко (1852–1919), не имела большой численности и не достигла каких-либо электоральных успехов (участвуя в выборах в Украинское учредительное собрание в Киевской губернии, она получила всего 1 371 голос, т. е. 0,12 %⁴). Несмотря на это, в ее состав входил ряд видных общественно-политических деятелей (например, депутат Государственной думы III созыва, профессор И. В. Луцицкий или известный правовед и философ, профессор Б. А. Кистяковский), а лидер партии В. П. Науменко в ноябре – декабре 1918 г. занимал пост министра народного просвещения Украинской державы гетмана П. П. Скоропадского. В отличие от украинских социалистов-федералистов федералисты-демократы были искренними и убежденными сторонниками федерации Украины и России, позиционировали себя в качестве наследников Кирилло-Мефодиевского братства, М. П. Драгоманова и Украинской радикальной партии⁵, являясь, по сути, либералами с украинофильским оттенком (многие из руководителей УФДП ранее состояли в кадетской партии или были близки к ней). В то время как киевская УФДП более-менее известна специалистам по политической истории начала XX в., об одноименной крымской (а потом эмигрантской) партии нет не только отдельных исследований, а даже и простых упоминаний.

Ход и результаты исследования. Появление крымской УФДП было тесно связано с общим положением украинского вопроса в Крыму во время врангелевского правления. Новый главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (ВСЮР), провозгласивший федеративный принцип организации государства, пригласил к диалогу в том числе и представителей украинских организаций. К весне 1920 г. в Крыму оказалось множество украинских беженцев из малороссийских и новороссийских губерний, причем часть из них явно симпатизировала петлюровцам, в силу чего власти посчитали необходимым, с одной стороны, их контролировать, с другой же — поддержать противовес им в виде лояльной украинской организации, выступающей за федерацию Украины и России и полностью поддерживающей мероприятия правительства.

¹ Время. 1920. 3 октября. № 71.

² Вечернее слово. 1920. 5 октября. № 228.

³ Любовець О. М. Українські партії революційної доби 1917–1920 рр.: Нариси історії та програмні документи. Київ, 2012. С. 337–354.

⁴ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). Ф. 1133. Оп. 1. Д. 53. Л. 25 об. – 26.

⁵ Программа Украинской федеративно-демократической партии. Киев, 1918. С. 3.

Такой организацией и оказалась УФДП, позиционировавшая себя в качестве идейной наследницы одноименной киевской партии. Инициатором создания и лидером этой новой украинской структуры, лояльной врангелевским властям, стал Н. А. Кравченко.

Николай Афанасьевич Кравченко (с начала 1920-х гг. он будет именовать себя Зоц-Кравченко) родился 14 октября 1878 г. в селе Ярошевка Прилукского уезда Полтавской губернии. О биографии Кравченко мы знаем, к сожалению, почти исключительно с его слов, так что к приводимым ниже сведениям необходимо относиться с осторожностью. «По происхождению я из мещан города Прилуки — отец мой унаследовал небольшое имение, но его быстро прожил, — вспоминал Кравченко на допросе в Смерше в 1945 г. — В 1902 году я закончил Киевский университет (юридический факультет) и получил специальность адвокат (в списке студентов его фамилию нам обнаружить не удалось. — А. Ч.). По окончании университета работал вначале в гор[оде] Лубны, а затем в Киеве присяжным поверенным»⁶. В анкете арестованного, датированной тем же 1945 г., отмечалось, что он «высокого роста, русый»⁷. Кравченко рассказывал, что его и будущего гетмана П. П. Скоропадского связывали «узы тесного приятельства и дружбы, еще с раннего детства и впоследствии как соседей по имениям в Полтавской губ[ернии]»⁸, но каких-либо сторонних подтверждений этому нет (к тому же основное имение Скоропадских находилось не в Полтавской губернии, а в Харьковской, в Тростянце). Несомненно лишь то, что по состоянию на 1915 г. Кравченко действительно проживал в Киеве в доме № 24 по Михайловской ул.⁹

С 1915 г. Кравченко, по его словам, служил в отделе довольствия окопных рабочих Всероссийского земского союза в Одессе, в 1916 г. перешел в «Хлебармию» — организацию по снабжению хлебом и зернофуражом армии и городских центров. После Февральской революции 1917 г. служил заведующим отделом фронтового снабжения в Одесской губернской продовольственной управе. В 1918 г. был назначен гетманским правительством начальником канцелярии по ликвидации Румынского фронта. В 1919 г. поступил в Красную армию, став квартирмейстером Одесского караульного полка. В июне 1919 г. — после объявления в Одессе красного террора — был арестован органами ВЧК, но обвинение ему так и не предъявили. Пробыв два с половиной месяца под стражей, он вышел на свободу. После взятия Одессы белыми Кравченко уехал в Крым и при содействии своего знакомого, некоего Терещенко, устроился контролером на табачную фабрику Стамболи в Феодосии, однако проработал там недолго, так как вскоре предприятие прекратило выпуск продукции в широком масштабе¹⁰.

⁶ Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ). Д. П-6142. Л. 1, 22.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 125. Л. 6 об.

⁹ «Весь Киев»: адресная и справочная книга на 1915 г. Киев, 1915. Стб. 313.

¹⁰ ЦА ФСБ. Д. П-6142. Л. 22–22 об., 90–91.

К лету 1920 г. Кравченко перебрался в Севастополь, где возглавил инициативную группу уроженцев Украины¹¹. По свидетельству генерал-лейтенанта Г. Е. Янушевского, участвовавшего в деятельности беженских украинских организаций в Крыму, в эту группу входили генерал-майор С. В. Лукашевич, полковники В. В. Кривенко и А. А. Сахно-Устимович¹². «В разговорах иногда проскальзывали фамилии Гербеля, Варун-Секрета, графа Бобринского, Андреевского, Кочубея; но весь первый фон застилала собою фигура Кравченко и закрывала всех остальных членов этой группы», — вспоминал Янушевский¹³. По слухам, Кравченко был в фаворе у Н. М. Котляревского (секретаря и начальника канцелярии помощника правителя и главнокомандующего А. В. Кривошеина) и С. Д. Тверского (и. д. начальника гражданского управления), благодаря чему получил от крымского правительства крупную сумму — около 600 тыс. руб. — на открытие украинского кооператива в Балаклаве¹⁴. Кроме того, Кравченко был явно связан с генералом для поручений по украинским делам при главнокомандующем В. Ф. Киреем¹⁵. Однажды во время заседания крымских украинских организаций Кравченко, споря с оппонентом, указал на «две непомерной величины звезды на своих погонах» (имеется в виду мундир действительного статского советника) и многозначительно сказал: «Только благодаря этим звездочкам вас принимает высшее начальство»¹⁶. Впрочем, не вполне ясно, был ли Кравченко в реальности действительным статским советником: по крайней мере, в дореволюционных списках таковым он не значится. В одном из сохранившихся протоколов заседаний украинских организаций он именуется статским советником¹⁷, но тогда у него на погонах должна была быть только одна звезда. Во время совещаний представителей украинских организаций Кравченко спорил со сторонниками создания отдельной украинской армии, доказывая, что «в федеративном государстве должна быть только одна общая армия»¹⁸. Янушевский полагал, что Кравченко был приставлен к украинцам, среди которых были сторонники петлюровцев, с целью слежки за их поведением и, несмотря на декларируемый уроженцами Украины федерализм, именовал их малороссами, склонявшимися к автономии Украины как области в составе «Единой неделимой России»¹⁹.

Кравченко еще в июне 1920 г. подал Кривошеину «весомую обширную до-кладную записку о положении дел на Украине, в которой очень недоброжела-тельно высказывался относительно петлюровцев²⁰. Вероятно, в этой записке

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

¹² Там же. Л. 107, 145.

¹³ Там же. Л. 107.

¹⁴ Там же. Л. 152, 202–203.

¹⁵ Там же. Л. 163.

¹⁶ Там же. Л. 152.

¹⁷ Там же. Ф. Р-6217. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

¹⁸ Там же. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 3. Л. 154.

¹⁹ Там же. Л. 194–195, 202.

²⁰ Там же. Л. 202.

выдвигалась идея создания подконтрольного Врангелю украинского правительства. Во всяком случае известно, что полковник А. А. Сахно-Устимович, являвшийся одним из инициаторов записки, посчитал эти предложенные мероприятия «преждевременными и не вызываемыми обстановкой данного времени»²¹. О том, что некие «русско-малороссийские круги» настаивают на непризнании правительства Украинской народной республики (УНР) и назначении для Украины правительства в Крыму, упоминал и участник петлюровской делегации, хорунжий И. К. Блудымко, причем он напрямую увязывал эти планы с докладной запиской Кравченко, в которой последний «поносил руководителей движения украинского народа» и называл С. В. Петлюру авантюристом²². Глава этой же делегации, полковник И. Д. Литвиненко сообщал в докладе руководству УНР, что «действительный статский советник» Кравченко, поддерживающий связь с «сильными мира сего», написал доклад про украинское дело: «Доклад этот объяснял все украинское движение походом на Украину мешочников с Московщины, Головной атаман (т. е. Петлюра. — А. Ч.) назывался авантюристом. Ему отказывалось во всяком доверии и авторитете в народных массах. Резюме доклада — нужно послать на Украину свежие “не запятнанные” силы, дать украинскому народу некоторые вольности касательно языка, школы, самоуправления, и тогда будет все хорошо — “тишь да гладь и божья благодать”». Литвиненко отмечал, что «пан Кравченко и его единомышленники представляли из себя небольшой кружок, к которому большинство украинцев не присоединилось»²³.

В конце июля 1920 г. Кравченко входил в состав делегации от украинских организаций, принятой П. Н. Врангелем²⁴. При этом одновременно Кравченко и Сахно-Устимович поддерживали контакты и с генерал-лейтенантом Я. А. Слащевым, попавшим к тому времени в опалу. Слащев вспоминал: «В августе месяце, уже в Севастополе, ко мне явились несколько общественных украинских деятелей, которые, найдя во мне общность взглядов на политическое положение Украины, поделились со мною своими впечатлениями об отношении Ставки к этому вопросу». В докладе для Врангеля, подготовленном 21 августа (3 сентября), Слащев упоминал о необходимости создания «твёрдого центра» наПравобережной Украине и ссылался на проект Кравченко²⁵.

В сентябре 1920 г. в Севастополе на базе группы «уроженцев Украины» была создана Украинская федеративно-демократическая партия. В состав комитета партии, кроме Кравченко, вошли Н. С. Adamович, Г. Г. Бурлаков, А. С. Гижецкий, Т. И. Акоронко, Г. А. Кочубей, Д. П. Перлик, А. К. Старицкий, П. П. Чубинский

²¹ ГАРФ. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1. Л. 9 об. – 10.

²² Там же. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 31. Л. 45 об., 49.

²³ ЦГАВО Украины. Ф. 1429. Оп. 2. Д. 28. Л. 4 об. – 5.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 3. Л. 136.

²⁵ Слащев-Крымский Я. А. Требую суда общества и гласности (оборона и сдача Крыма). Мемуары и документы. 2-е издание. Константинополь, 1921. С. 57, 62.

и Ф. Г. Шульга. Началась организация отделений партии в Симферополе, Ялте, Феодосии, Мариуполе и Александровске²⁶.

Вторым человеком в партии был, по всей видимости, действительный статский советник Дмитрий Петрович Перлик (1868 – не ранее 1920), сын генерала от инфантерии. Семья Перликов происходила из потомственных дворян Харьковской губернии, но проживала в Полтавской губернии. Дмитрий Перлик окончил Полтавский кадетский корпус и Казанское пехотное юнкерское училище, с 1896 г. исправлял должность старшего помощника старшего адъютанта штаба Кавказского военного округа. Несколько раз Перлик безуспешно пытался поступить в Александровскую военно-юридическую академию²⁷. Впоследствии он, видимо, ушел с военной службы и начал делать чиновничью карьеру, а к началу 1920 г. был помощником севастопольского градоначальника по гражданской части²⁸. В марте – начале июня 1920 г. Перлик временно исправлял должность таврического губернатора и начальника гражданского управления, состоял членом Совета при главнокомандующем²⁹. Освободив Дмитрия Петровича от занимаемых должностей, Врангель в приказе от 2 июня 1920 г. выразил ему «сердечную признательность за отличное исполнение временно возложенных на него обязанностей»³⁰ (при этом в мемуарах главнокомандующий отметит, что Перлик «бессилен был, при отсутствии твердых руководящих сверху указаний, управлять внутренней жизнью края», Кривошеин же «считал настоятельно необходимым заменить» его³¹).

Важной символической фигурой в руководстве УФДП был инженер путей сообщения, действительный статский советник Павел Павлович Чубинский (1873–1927), сын этнографа и фольклориста Павла Платоновича Чубинского, автора стихотворения «Ще не вмерла Україна», впоследствии ставшего украинским гимном³². До революции младший Чубинский никакого отношения к политике не имел и делал чиновничью карьеру. После окончания Института инженеров путей сообщения в Санкт-Петербурге он служил в Казанском округе путей сообщения, Управлении водными путями Амурского бассейна, Киевском округе путей сообщения. В 1910 г. стал начальником уже знакомого ему Управления водными путями Амурского бассейна. За время службы был награжден орденом Св. Владимира IV ст. и Св. Анны III ст., а в 1911 г.

²⁶ Время. 1920. 3 октября. № 71.

²⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 9. Д. 29057. Л. 16–18.

²⁸ Крымский вестник. 1920. 22 февраля. № 43 (9734); 29 февраля. № 48 (9739).

²⁹ Hoover Institution Archives (HIA). P. N. Vrangel collection. Box 137. File 4. Журналы заседаний Совета при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России с № 1 по № 35; Крымский вестник. 1920. 3 апреля. № 71 (9762).

³⁰ HIA. P. N. Vrangel collection. Box 136. File 3. Приказы Правителя Юга России и Главнокомандующего Русской армией с 8 апреля 1920 г. по 29 октября 1920 г. Л. 59, 61.

³¹ Врангель П. Н. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). Часть вторая. Последняя пядь родной земли // Белое дело. Летопись Белой борьбы. Т. VI. Берлин, 1928. С. 17, 93.

³² Чередниченко Д. Павло Чубинський. Київ, 2005. С. 143.

ему было объявлено Высочайшее благоволение³³. После революции Чубинский вернулся на малую родину, в июне – декабре 1918 г. занимал пост товарища министра путей сообщения Украинской державы и неоднократно принимал участие в заседаниях Рады министров³⁴. Кроме членства в руководстве УФДП он был еще и представителем в Крыму парижского Украинского национального комитета (УНК)³⁵.

Видимо, по приглашению Чубинского в партии оказался его коллега по работе на Амуре в начале 1900-х гг. — инженер путей сообщения, коллежский советник Александр Константинович Старицкий (1877–1936), сын контр-адмирала, потомственный дворянин Полтавской губернии, почетный мировой судья Полтавского округа. Окончивший тот же Институт инженеров путей сообщения, Старицкий служил в разных местностях империи, с 1912 г. был помощником начальника Киевского округа путей сообщения. В годы Первой мировой он временно возглавлял Львовский округ путей сообщения, занимался дорожными работами на Юго-Западном фронте, а в 1916–1917 гг. заведовал Виленским округом путей сообщения³⁶. Еще одним инженером-железнодорожником в УФДП был действительный статский советник Тит Иванович Акоронко (1857–1935), происходивший из семьи священника Минской губернии, вероятно, имевшего малороссийские корни. Выпускник Института инженеров путей сообщения, Акоронко в 1907–1911 гг. был начальником службы пути (а с 1908 г. еще и вторым заместителем начальника) Николаевской железной дороги, в 1911–1912 гг. — начальником Полесских железных дорог, в 1912–1917 гг. — управляющим Рязанско-Уральской железной дорогой. За почти сорокалетнюю службу он был награжден многими российскими и иностранными орденами³⁷. По словам сослуживца, Акоронко был «один из самых выдающихся русских железнодорожных деятелей старой России»³⁸.

Достаточно крупной фигурой являлся и бывший дипломатический представитель УНР в Болгарии Федор Григорьевич Шульга (1862 – не ранее 1922). Уроженец Полтавской губернии³⁹, он учился в Дерптском ветеринарном институте, но курса не окончил (видимо, из-за принадлежности к народовольческим кругам). В 1897–1899 гг. Шульга занимал пост секретаря городской управы Владикавказа, в 1901–1908 гг. был секретарем городской управы Одессы. В 1916–1917 гг. он находился в распоряжении окружного уполномоченного министерства земледелия по закупке хлеба для армии по Одесскому

³³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 190. Оп. 1. Д. 1941. Л. 225–230.

³⁴ Українська Держава (квітень – грудень 1918 року). Документи і матеріали: у 2-х т. Т. 1 / упоряд.: Р. Пиріг (кер.) та ін. Київ, 2015. С. 23, 58, 734.

³⁵ Время. 1920. 3 октября. № 71.

³⁶ РГИА. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1774. Л. 1–12, 21.

³⁷ Там же. Ф. 229. Оп. 18. Д. 75. Л. 327–334, 395.

³⁸ Возрождение. 1935. 18 февраля. № 3547.

³⁹ РГИА. Ф. 1142. Оп. 6. Д. 2554. Л. I.

военному округу (где, весьма вероятно, и познакомился с Кравченко)⁴⁰. Во время жизни в Одессе Шульга принимал участие в украинском движении, принадлежа к его умеренному крылу, состоял в Одесской громаде, «Просвите», а также — до конца 1917 г. — в Конституционно-демократической партии. Из-за участия в украинских делах он был вынужден покинуть пост в одесской управе и поэтому в дальнейшем всегда был чрезвычайно осторожен. Один из лидеров украинского движения Е. Х. Чикаленко, знакомый с Шульгой, в переписке начала 1920-х гг. будет называть его малороссом. С лета 1918 и до начала 1919 г. Шульга был советником посольства Украинской державы и УНР в Болгарии, с января по сентябрь 1919 г. — поверенным в делах УНР в Болгарии. В сентябре 1919 г. он приехал в недавно занятую белыми Одессу к семье и жил в городе вплоть до эвакуации в январе 1920 г. в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Осенью 1920 г. Шульга прибыл в Крым и активно включился в местную политическую жизнь⁴¹. Согласно одной из справок, сохранившейся в фонде посольства УНР в Германии, он пользовался большим влиянием в украинских кругах Крыма, но при этом к идее самостийности Украины относился безразлично и заявлял, что «ему все равно, будет ли Россия монархией или республикой»⁴². Шульга, в молодости придерживавшийся социалистических взглядов, за годы Гражданской войны сильно поправел и готов был согласиться даже на монархию. «Пусть будет просто монархия, нечего втирать кому-то очки, пусть будет и наследственная, хотя это и черт знает что, но хуже того, что сейчас есть, не будет никогда, ни при каком монархе», — писал он Чикаленко в апреле 1921 г. По мнению Шульги, выраженному в том же письме, «и Петлюра, и Скоропадский, и Врангель, и Махно, и кто там еще есть, все должны объединиться для достижения одной цели — уничтожения эпидемии», после же победы над большевиками пусть спорят между собой, как устроить государственную жизнь. Будучи прагматиком, Шульга считал, что рано или поздно Россия встанет на ноги и будет огромной и могущественной соседкой Украины. «И если мы в отношении русских будем только врагами, то чего нам ожидать от нее? Она же нас задавит», — объяснял он свою позицию Чикаленко, полагавшему, что лучше сотрудничать с большевиками, чем с белыми русскими⁴³.

Особый интерес среди руководителей УФДП представляют личности А. С. Гижицкого и Г. А. Кочубея. Александр Степанович Гижицкий (1869–1938) был депутатом III и IV Государственной думы от Подольской губернии (состоял во фракции русских националистов) и членом Главного совета Всероссийского национального союза⁴⁴. Георгий Александрович Кочубей (1882 – не ранее

⁴⁰ РГИА. Ф. 391. Оп. 7. Д. 4048. Л. 1–9.

⁴¹ Старовойтенко І. Листи Федора Шульги до Євгена Чикаленка // Пам'ятки: археографічний щорічник. Т. 13. Київ, 2012. С. 139–166.

⁴² ЦГАВО України. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 190. Л. 259.

⁴³ Старовойтенко І. Указ соч. С. 153.

⁴⁴ Николаев А. Б. Гижицкий Александр Степанович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 130.

1923) в 1918 г. входил в состав киевского монархического блока, а во время антигетманского восстания — в Совет обороны Киева. В 1919 г. он принимал участие в деятельности подпольной монархической террористической организации «Анонимный центр», а также выступил в качестве одного из инициаторов возрождения Всероссийского национального союза⁴⁵. Можно, конечно, предположить, что русские националисты и монархисты Гижицкий и Кочубей вдруг неожиданно осознали себя украинцами и потому вступили в УФДП, но куда более вероятной видится версия, что их кто-то (например, Кривошеин или Котляревский) попросил вступить в партию с целью «присматривать» за другими «украинскими федералистами». На это указывает следующий факт: в феврале 1921 г., когда в Константинополе состоится ряд совещаний русских и украинских эмигрантов, Кравченко будет в них участвовать от имени УФДП, а Гижицкий — уже в качестве представителя «группы русских общественных и политических деятелей»⁴⁶. Гижицкий в 1920 г. не состоял на государственной службе, но при этом поддерживал контакты с властями и даже использовался ими в качестве курьера. Так, в конце лета 1920 г. ему было поручено передать официальные бумаги из посольства России во Франции в управление иностранных дел в Севастополе⁴⁷. Кочубей после эвакуации из Крыма быстро позабудет о своем мимолетном «украинстве» и станет редактором белградской газеты «Русское дело»⁴⁸. Если версия о том, что Гижицкого и Кочубея направили в УФДП крымские власти, верна, это может свидетельствовать о том, что партия хоть и находилась под присмотром, но полностью марionеточной все же не была. Можно сделать и другое предположение: из-за нехватки в Крыму крупных украинских деятелей роль таковых сыграть Гижицкому и Кочубею предложил сам Кравченко. Правда, если «украинцами» их хоть в какой-то мере признать можно, то на «федералистов-демократов» они, люди правых (и даже крайне правых) убеждений, явно не тянули.

Таким образом, в руководстве УФДП можно выделить три группы: это уроженцы Полтавской губернии, крупные чиновники министерства путей сообщения и члены Всероссийского национального союза, по какой-то причине вдруг ставшие украинцами. Создается впечатление, что организаторы партии просто позвали оказавшихся поблизости земляков, коллег или знакомых. По крайней мере, никто из руководителей партии, кроме Шульги, ранее не принадлежал к числу хоть сколько-нибудь заметных фигур украинского движения,

⁴⁵ Чемакин А. А. «Деникин относится к нам определенно отрицательно, считая нас слишком правыми...»: Всероссийский национальный союз в 1917–1920 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 110–111.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Д. 427. Л. 33, 42.

⁴⁷ Там же. Ф. Р-6851. Оп. 1. Д. 56. Л. 98.

⁴⁸ Кудрявцев В. Б. Периодические и непериодические коллективные издания русского зарубежья: 1918–1941: Журналистика. Литература. Искусство. Гуманитарные науки. Педагогика. Религия. Военная и казачья печать: опыт расширенного справочника: в 2 ч. Ч. 1. М., 2011. С. 750.

а по своему составу УФДП производила впечатление структуры скорее не демократической, а бюрократическо-монархической. Несмотря на это, крымская УФДП позиционировала себя в качестве наследницы киевской УФДП. Так, например, Кравченко уже в эмиграции именовал себя председателем «Главного комитета украинских объединенных (1918 и 1920 гг.) Федеративно-демократических партий» и «лидером федерального руссо-фильского течения украинской общественной мысли»⁴⁹. Прямой персональной преемственности партии Кравченко с партией Науменко обнаружить не удалось, фамилии руководителей «старой» и «новой» партий различались. Впрочем, нельзя исключать, что некоторые из лидеров крымской УФДП в 1918 г. были рядовыми членами киевской УФДП.

Программу новой партии опубликовать до эвакуации из Крыма не успели, но можно предположить, что она принципиально не отличалась от программы УФДП, изданной в Киеве в 1918 г. Партия Науменко выступала за федеративное устройство новой России, отказ от централизма, национально-территориальную автономию Украины (или, как вариант, образование и на территории Украины, и на территории Великороссии более равномерных и мелких автономно-областных единиц), полное равноправие всех национальностей, сохранение общегосударственного статуса за русским языком на всей территории России, создание двухпалатного общероссийского народного представительства и однопалатного народного представительства (сейма) на Украине и в других автономных областях, гарантию основных гражданских прав и свобод, проведение аграрной реформы, предполагающей передачу крестьянам части помещичьих владений (с компенсацией за отчуждаемые земли по справедливой оценке), развитие рабочего законодательства, введение всеобщего и обязательного начального образования (с обязательным преподаванием украинских дисциплин — языка, литературы, истории и географии — во всех школах на Украине и возможностью преподавания на украинском языке всех предметов в случае согласия на это со стороны родителей учащихся)⁵⁰. Эти положения вполне сочетались с врангелевским курсом.

Вскоре после создания (воссоздания) УФДП ее представители были приняты председателем правительства Юга России А. В. Кривошеиным, что должно было символизировать благоволение украинским федералистам-демократам со стороны властей Крыма. Представители УФДП заявили Кривошеину, что партия готова оказать «всемерную поддержку правительству при организации власти на вновь освобождаемой территории, так как партия стоит в согласии с основными положениями, возвещенными ген[ералом] Врангелем в его соглашениях с казачьими образованиями»⁵¹.

⁴⁹ Зоц-Кравченко Н. А. Политические шарлатаны. Три письма в редакции газет «Последние Новости» и «Возрождение» по Украинскому вопросу. Константинополь, 1927. С. 8.

⁵⁰ Программа Украинской федеративно-демократической партии. Киев, 1918.

⁵¹ Время. 1920. 3 октября. № 71.

4 (17) октября 1920 г. лидеры УФДП Кравченко и Перлик приехали в Ливадию для встречи с генералом Слащевым, с которым продолжали поддерживать отношения, видимо, не подозревая о том, что он впал в немилость уластей Крыма. Сам Слащев вспоминал, что «из Севастополя прибыли представители Украинского федеративного комитета, которые после обмена мнений со мною представили мне краткую записку о необходимых мероприятиях по украинскому вопросу»⁵². В записке отмечалось, что ни одна из украинских партий не опирается на широкие массы народа и говорить от его имени не может, поэтому работа этих партий может носить лишь строго деловой характер и должна сводиться к оказанию российскому правительству «содействия по разработке мероприятий и государственного устройства федеративной Украины». По их мнению, существующая модель управления Крыма при отсутствии в ней определенной политики, при бессистемности финансово-экономических мероприятий, при экономическом расстройстве тыла не может быть перенесена на Украину без опасения подрыва престижа верховной власти, ставящей задачей объединение России. В случае прихода на Украину без строго обдуманной и разработанной системы управления население неизбежно поддастся пропаганде самостийников и временно пойдет за правительством С. В. Петлюры. Кравченко и Перлик полагали, что нерешительная политика крымского правительства в украинском вопросе укрепляет положение петлюровского правительства, и поэтому предлагали начать в Крыму строительство украинского гражданского аппарата власти, который будет постепенно, по мере освобождения новых территорий, переноситься на Украину. Для создания опоры гражданского аппарата на местах они полагали необходимым установление «твердой базы повстанчества на Правобережной Украине», соглашение с украинской армией во главе с М. В. Омельяновичем-Павленко (в Крыму многие, в том числе и авторы записки, полагали, что тот действует независимо от Петлюры, что не соответствовало действительности) и восстановление вольного казачества как «твердой опоры правопорядка»⁵³. 5 (18) октября Слащев, опираясь на мнение Кравченко и Перлика, отправил Врангелю письмо, в котором рассказал, что ему «пришлось говорить с украинскими деятелями (не петлюровского толка)», которые «очень удручены задержкой в опубликовании поданной Вам декларации» (видимо, речь идет о проектах, переданных Слащевым Врангелю в августе. — А. Ч.), в то время как петлюровская пропаганда идет даже на фронте. Врангель ответил, что дела на фронте идут хорошо, а с повстанцами Правобережной Украины поддерживается самая тесная связь⁵⁴. Попытки Кравченко и Перлика повлиять на Врангеля через Слащева показывают то, что партия пыталась донести до главнокомандующего

⁵² Слащев-Крымский Я. А. Указ. соч. С. 70.

⁵³ ГАРФ. Ф. Р-6217. Оп. 1. Д. 61. Л. 1-1 об.

⁵⁴ Слащев-Крымский Я. А. Требую суда общества и гласности (оборона и сдача Крыма). С. 71–73.

свою точку зрения и, несмотря на тесные связи с правительством Юга России, вряд ли была полностью управляемой.

Работа УФДП, прерванная эвакуацией из Крыма в ноябре 1920 г., была продолжена в Константинополе, хотя и в меньших масштабах. Уже 13 (26) ноября представители партии участвовали в совещании, созванном УНК (как отмечал один из участников, все речи на собрании говорились только по-русски)⁵⁵. В феврале 1921 г. Кравченко от имени УФДП участвовал в объединенном совещании УНК и представителей группы русских общественных и политических деятелей, на котором обсуждался вопрос о принципах организации будущей федеративной России⁵⁶. Постепенно все основные лидеры партии разъехались по разным странам (Шульга уехал в Болгарию, Чубинский — во Францию), и фактически от УФДП осталась лишь вывеска, которой прикрывался Кравченко, работавший в Константинополе сначала на фабрике закройщиком мешков, а с 1923 по 1928 г. занимавшийся ремонтом автомобилей в гараже⁵⁷. В 1927 г. Кравченко, к тому времени изменивший фамилию на Зоц-Кравченко, выпустил брошюру, в которой объяснял, что после оставления украинской и крымской территории активная деятельность УФДП была приостановлена, так как «политическая работа лояльной, стоящей на строго-правовой точке зрения партии» была сочтена «недопустимой на чужой территории ни в какой форме». Несмотря на это, он продолжал делать заявления от имени украинских федералистов, например, критиковал некоторых представителей русской эмиграции (В. А. Мякотина, В. В. Шульгина) за неверный, по его мнению, подход к украинскому вопросу. Сам Кравченко полагал, что в 1917 г., после крушения «российского императорского режима», Переяславский договор 1654 г. потерял свое значение и Украина сделалась самостоятельным государством (в качестве примера он приводил признание гетманской Украинской державы рядом других государств). Лидер УФДП считал исторической неизбежностью и наступающей необходимостью самое широкое объединение народов бывшей Российской империи в одно мощное союзное государство, предусматривающее вхождение в федерацию и тех славянских народностей, которые не входили ранее в состав России, но при этом настаивал на том, что «создание и жизненность такой федерации возможны исключительно при условии вхождения в нее суверенных народов через свои правительства на строго паритетных началах, без покровительственного и неполномочного представительства великорусской общественности и великорусского правительства». Считая, что свержение власти III Интернационала начнется с Юга бывшей Российской империи, Кравченко полагал, что в первую очередь должна быть создана федерация Украины с казаками, Польшей, Литвой, Белоруссией и Кавказом. Он критиковал «непримиримый догматический сепаратизм, шовинизм» и отрицал

⁵⁵ ЦГАВО Украины. Ф. 1429. Оп. 2. Д. 109. Л. 71.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Д. 427. Л. 33, 42.

⁵⁷ ЦА ФСБ. Д. П-6142. Л. 22 об.

его наличие в толще широких масс украинского народа, но при этом, говоря о федерации, имел в виду теперь не столько восстановление России, что предполагалось киевской и крымской УФДП, сколько создание нового «мощного, великодержавного Восточно-Европейского государства»⁵⁸. Таким образом, постепенно происходило его сближение с сепаратистами гетманского толка. В Константинополе он поддерживал контакты не только с русскими эмигрантскими кругами, но и с самостийническими организациями, а также возглавлял местные Украинскую громаду и Полтавское землячество, в составе которых были представлены и сепаратисты. Весной 1928 г. турецкое правительство без объяснения причин выслало Кравченко за пределы страны и он был вынужден перебраться в столицу Югославии⁵⁹.

Первые полтора года жизни в Белграде Кравченко, по его словам, существовал на средства, получаемые от Державной комиссии, а затем устроился на работу помощником повара в русской столовой⁶⁰. Обосновавшись на новом месте, он, по-прежнему выступавший от имени УФДП, развил бурную деятельность. «Группа украинских федералистов в Белграде, представительствуемая Зоц-Кравченко, хотя и имеет тенденцию русофильскую, характеризуется очень слабой по своему составу. Входящие в нее лица беспринципны, это “бывшие верные защитники России”, которые за чечевичную похлебку продают свое первородство и пошли на авантюру, рассчитывая на эфемерные блага», — сообщал в декабре 1928 г. начальник военного отдела русской делегации полковник В. И. Базаревич председателю Русского общевоинского союза (РОВС) генералу от инfanterии А. П. Кутепову. По мнению автора доклада, члены этой группы вошли в нее потому, что «ссылали о повышении украинских акций», после же их падения никого там не останется⁶¹. Кравченко, именовавший себя действительным статским советником и бывшим помощником министра торговли в гетманском правительстве, поддерживал контакты с белградской «Просвітою» (при этом, правда, некоторые ее члены считали его «авантюристом и проходимцем»), а также через Н. В. Кочубея и А. А. Сахно-Устимовича, с которым у него была «старая дружба» (видимо, с крымских времен), вошел в связь с гетманской управой и занялся подготовкой доклада для Скоропадского об общем положении украинцев в стране, для чего выяснял общее количество украинцев по специальностям и родам оружия. По данным Базаревича, Кравченко и члены белградской «Просвіты» вели «чисто иезуитскую» политику: для сербов и русских они представлялись федералистами, для англичан и представителей других держав, заинтересованных в украинском вопросе, — самостийниками. Так, например, Кравченко докладывал

⁵⁸ Зоц-Кравченко Н. А. Указ. соч. С. 10–15.

⁵⁹ В Царгороді // Тризуб. 1928. 6 травня. № 17 (123). С. 31.

⁶⁰ ЦА ФСБ. Д. П-6142. Л. 22 об.

⁶¹ Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). Russkii Obshche-Voinskii Soiuz (ROVS) records. Box 132. Folder «Ukrainian Separatist Movements». Доклад «Организация украинцев в Королевстве С.Х.С.», 23.XII.1928.

начальнику управления по делам русских эмигрантов В. И. Штрандтману, что «украинцы полагают освобожденную Украину представить в виде плацдарма для совместной с русскими борьбы с большевиками, не делая территориальной разницы», и русский дипломат отнесся к этому заявлению «очень симпатично». Кроме того, Кравченко встречался с митрополитом Антонием (Храповицким) и рядом других русских и сербских деятелей⁶².

В 1931 г. Кравченко угодил в шпионский скандал, окончившийся для него весьма печально. В августе он предложил русскому эмигранту Н. Г. Иванову работу на гетмана, которому якобы содействуют англичане. Кравченко утверждал, что Англия решила создать «великую Украину», которая вместе с Польшей, Чехословакией, Румынией и Югославией преобразуется в Центральное славянское государство под главенством Скоропадского. Он начал собирать для гетмана и англичан информацию по экономическим вопросам, «так как в университете особенно успешно изучал экономические и финансовые науки», сбор же данных о югославских путях сообщения и военных решил предложить Иванову. Иванов испугался, решив, что Англия и гетман являются ширмой, а Кравченко работает на большевиков, и рассказал обо всем знакомому бывшему приставу, тот же посоветовал обратиться в полицию. На запрос югославских властей Базаревич сообщил, что еще в бытность в Константинополе Кравченко работал на английскую разведку. Штрандтман в письме в белградскую полицию выразил мнение, что Кравченко «нельзя считать благонадежным ни в политическом, ни в моральном отношении», но при этом никаких сведений о его связях с большевиками нет. По словам Штрандтмана, примерно полтора года назад Кравченко принял наружный вид человека не нуждающегося, что заставило русскую делегацию относиться к нему с осторожностью, так как источник его существования не был ясен. Русские круги еще с начала 1931 г. подозревали, что Кравченко занимается экономическим шпионажем в пользу англичан, и даже предупреждали об этом военного и морского министра Югославии. В итоге 8 сентября 1931 г. на квартире Кравченко агентами управы Белграда был произведен обыск, а 22 января 1932 г. он был признан виновным в шпионаже и приговорен к 7 годам каторги с высылкой из пределов Югославии по окончании этого срока⁶³.

Сам Кравченко на допросе в Смерше в 1945 г. не отрицал, что работал на английскую разведку, но рассказывал эту историю немного иначе. По его словам, в 1931 г. он встретил в Белграде старого киевского знакомого — В. П. Гриневича, — работавшего переводчиком в английском посольстве в Софии, и попросил у него содействия в получении английской визы. Гриневич согласился, но в ответ предложил выполнить его задания, в частности написать доклады о взаимоотношениях между сербами и хорватами и осветить македонский

⁶² Bakhmeteff Archive... Доклад «Положение украинских организаций в Королевстве С.Х.С.», 28.III.1929.

⁶³ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 125. Л. 1, 3–3 об., 6–7 об., 12, 20, 21, 23–23 об.

вопрос. В течение года Кравченко готовил эти доклады и передавал Гриневичу, а взамен получил от него 3000 динаров. Осенью 1931 г. у Гриневича прошел обыск, но сам он успел бежать. Обнаружение докладов Кравченко привело уже к обыску у него самого, в ходе которого была найдена запрещенная македонская пресса. В итоге бывший лидер УФДП предстал перед югославским судом и получил срок за политический шпионаж⁶⁴.

Осенью 1938 г., после отбытия наказания, Кравченко выехал в Румынию, где якобы обратился в советское посольство с просьбой разрешить въезд в СССР, но ответа так и не дождался. С июля 1939 г. он поселился в Праге и в течение первого года жил на помощь Российского общества Красного Креста, а затем обратился в Украинское бюро помощи, где ему предложили вступить в одну из украинских эмигрантских организаций. Он записался в гетманскую Украинскую народную громаду, после чего был назначен референтом социальной помощи и прикомандирован к бюро помощи. Эти сведения, скорее всего, были им выдуманы в 1945 г. с целью оправдаться перед советскими спецслужбами, в действительности же он с самого начала пребывания в Праге включился в работу гетманцев (во время допроса он врал, что во время жизни в Константинополе ни к каким антисоветским организациям не примыкал, хотя это было не так). С февраля 1941 г. по март 1942 г. Кравченко руководил состоявшей из 220 человек пражской Украинской громадой, занимаясь привлечением новых членов, сбором денег и ведением канцелярии, устройством ежемесячных собраний и докладов. После того как в 1942 г. Громада слилась с Союзом гетманцев-державников, он ушел из нее из-за чувства личной обиды и нежелания подчиняться новому руководству⁶⁵.

В марте 1943 г. Кравченко по приглашению генерал-поручика М. В. Омельяновича-Павленко вступил в Запорожский отдел Казачьего национального движения, возглавляемого инженером В. Г. Глазковым и противостоявшего общероссийской казачьей организации. Кроме работы в Запорожском отделе, выступавшем за создание самостоятельного федеративного казацкого государства вместе с донцами, кубанцами и терцами, Кравченко стал редактором и корректором украиноязычных статей в газете «Казачий вестник»⁶⁶. Примечательно, что теперь он уже не называл себя действительным статским советником, а подписывался как «доктор», хотя совершенно неясно, когда и где он мог бы получить ученую степень (не в югославской же тюрьме). За 1943–1944 гг. он опубликовал на страницах «Казачьего вестника» несколько статей сепаратистского, антирусского и пронацистского содержания, доказывая, что «национальные тенденции казачества с его традиционной военно-авторитарной государственностью» враждебны «интернациональному большевизму» и «всемирной жидовско-масонской демократии», и поэтому запорожские

⁶⁴ ЦА ФСБ. Д. П-6142. Л. 23–23 об.

⁶⁵ Там же. Л. 23 об. – 24, 25–25 об., 39, 42, 55.

⁶⁶ Там же. Л. 25 об. – 26 об., 42, 74, 78.

казаки должны идти вместе с немецкой армией⁶⁷. Угрозу для «казацкого народа» и «всей Европы» бывший федералист Кравченко теперь видел в «империалистических тенденциях Москвы»⁶⁸, племена которой, по его словам, принадлежат к урало-алтайской расе и не имеют никакого отношения к Руси⁶⁹.

После отъезда Омельяновича-Павленко из Праги в начале 1945 г. Кравченко стал временно исполняющим обязанности атамана Пражской станицы Запорожского казачества⁷⁰. 12 мая 1945 г. он был задержан красноармейцами у себя в квартире в доме № 4 по ул. Напрсткова в Праге 1 по подозрению во враждебной Советскому Союзу деятельности. 24 мая Кравченко был официально арестован, а принадлежавший ему нансеновский паспорт изъят. На допросах в Смерще он объяснял свое сотрудничество с украинскими и казачьими организациями исключительно материальными соображениями, так как пенсии ему едва хватало на полмесяца. Впрочем, он был вынужден признать, что во время одного из собраний после нападения Германии на СССР выступил с краткой речью, в которой провозгласил славу гетману П. П. Скоропадскому и его союзнику А. Гитлеру. Руководитель Украинской громады по Чехословакии А. А. Корнейчук в своих показаниях сообщил, что Кравченко жил на маленькую пенсию для престарелых и потому много времени проводил на работе в Громаде, где был «самым ярым активистом». 25 июля военный трибунал Центральной группы войск осудил Николая Афанасьевича Зоц-Кравченко по ст. 58-2 и 58-11 УК РСФСР к расстрелу, а 6 августа 1945 г. приговор был приведен в исполнение. В 2002 г. Главная военная прокуратура признала Зоц-Кравченко осужденным необоснованно и реабилитировала, ссылаясь на его же показания, согласно которым он вступил в украинские националистические организации с целью получения от них материальной помощи (что если и соответствовало действительности, то лишь отчасти), сама же деятельность этих организаций была признана формальной и не имеющей каких-либо вредных последствий⁷¹.

Заключение. Подводя итоги, зададимся вопросом, могла ли УФДП сыграть какую-то значимую политическую роль в том случае, если бы Врангелю удалось удержаться в Крыму? Сам Кравченко, осуществлявший наблюдение за крымскими украинскими организациями, вероятно, воспринимался властями Юга России как весьма полезная фигура, но вряд ли аналогичную пользу принесла бы и его партия. УФДП, возглавляемая действительными статскими советниками и русскими монархистами, не имевшими ранее никакого отношения к украинскому лагерю, вряд ли смогла бы произвести какое-либо впечатление на убежденных петлюровцев. И, кажется, она не столько

⁶⁷ Казачий вестник. 1943. 15 июня. № 12 (43).

⁶⁸ Там же. 15 сентября. № 18 (49).

⁶⁹ Там же. 1944. 15 августа. № 17 (74).

⁷⁰ ЦА ФСБ. Д. П-6142. Л. 25 об., 47 об., 80.

⁷¹ Там же. Л. 5, 7, 8, 27, 33, 108–108 об., 179, 180.

отвращала идейных украинцев от сепаратизма, сколько, напротив, втягивала в «украинство», пусть и с приправой в виде «федерации», представителей бюрократии и общественных деятелей, ранее об этом вообще не помышлявших, и тем самым это «украинство» легитимизировала (даже если считать, что временное превращение Гижицкого и Кочубея в украинцев было просто маскарадом). Учитывая авантюристическую натуру лидера партии и его дальнейшую судьбу, включая арест за шпионаж, работу на англичан и немцев и переход в сепаратистский лагерь, можно предположить, что проект поддержки «правильных», «пророссийских» украинцев в противовес «неправильным» ни к каким позитивным результатам для врангелевских властей все равно бы не привел.

Література

1. Любовець О. М. Українські партії революційної доби 1917–1920 рр.: Нариси історії та програмні документи. Київ: Парламенське видавництво, 2012. 612 с.
2. Старовойтенко І. Листи Федора Шульги до Євгена Чикаленка // Пам'ятки: археографічний щорічник. Київ, 2012. Т. 13. С. 139–166.
3. Чемакин А. А. «Деникин относится к нам определенно отрицательно, считая нас слишком правыми...»: Всероссийский национальный союз в 1917–1920 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 105–113. <https://doi.org/10.17223/19988613/79/13>
4. Чередниченко Д. Павло Чубинський. Київ: Альтернативи, 2005. 376 с.

References

1. Lyubovets O. M. Ukrains'ki partiï revoliutsiinoї dobi 1917–1920 pp.: Narisi istorii ta programni dokumenti [Ukrainian parties of the revolutionary era 1917–1920: Essays on history and program documents. Kyiv: Parlaments'ke vidavnitstvo, 2012. 612 p. (In Ukr.).
2. Starovoitenko I. Listi Fedora Shul'gi do Evgena Chikalenka [Letters from Fedor Shulga to Yevhen Chykalenko] // Pam'iatki: arkheografichnii shchorichnik [Ukrainian Archeographic Year-Book]. Kyiv, 2012. Vol. 13. P. 139–166. (In Ukr.).
3. Chemakin A. A. «Denikin otnositia k nam opredelenno otritsatelnno, schitaia nas slishkom pravymi...»: Vserossiiskii natsional'nyi soiuz v 1917–1920 gg. [“Denikin views us certainly negatively having us done as a too much right-wing...”: All-Russian National Union in 1917–1920] // Tomsk State University Journal of History. 2022. № 79. P. 105–113. <https://doi.org/10.17223/19988613/79/13> (In Russ.).
4. Cherednichenko D. Pavlo Chubins'kii [Pavel Chubinsky]. Kiev: Al'ternativi, 2005. 376 p. (In Ukr.).